

MAIN STREET

Коллекция «Аметист»

Ранее в серии MAIN STREET
ВЫШЛИ

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН
Дженнифер Арментроут. ОНИКС
Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ
Дженнифер Арментроут. ОПАЛ
Дженнифер Арментроут. ОТСЧЕТ
Эми Эвинг. ДРАГОЦЕННОСТЬ
Дженнифер Арментроут. ХОЛОДНЫЕ ОБЪЯТИЯ
Дженнифер Арментроут. ОТСТУПНИК

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ
Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА
Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ
Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ
Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ
К.-А. Такер. ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ВДОХОВ
Пенелопа Дуглас. АГРЕССОР
Дженнифер Арментроут. БУДЬ СО МНОЙ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Мэтт Хейг. ЭХОБОЙ
Александра Бракен. ТЕМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ
Вероника Росси. ПОД НЕБОМ, КОТОРОГО НЕТ
Ромина Расселл. ЗОДИАК

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Арментроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ
Кристина Лорен. СОВЕРШЕНСТВО

Коллекция «БУРГУНДИ»

Рэйчел Кейн. ПРИНЦ ТЕНЕЙ

АНДРЕА КРЕМЕР, ДЭВИД ЛЕВИТАН

НЕВИДИМЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Coe) 44
К79

Andrea Cremer, David Levithan
Invisibility

Печатается с разрешения издательства Philomel Books,
an imprint of Penguin Young readers Group, a division
of Penguin Random House LLC и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

All rights reserved including the right of reproduction in
whole or in part in any form

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Кремер, А.

К79 Невидимый: [роман] / Андреа Кремер, Дэвид
Левитан; [пер. с англ. Шульгат А.] – Москва: Из-
дательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Серия MAIN
STREET. Коллекция «Аметист»).

ISBN 978-5-17-092895-8

Стивен проклят. Он уже родился таким — проклятым
и невидимым. Он даже не видит самого себя, как никогда
не видела мальчика даже его мать. Но одна девушка сумела
проникнуть сквозь пелену наваждения, увидеть и влюбить-
ся в него.

У Стивена есть шанс вернуться в реальный мир, пока
порождение злой воли не убило его. Но что готова Элизабет
принести в жертву и спасти парня, которому отдала свое
сердце?

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Coe) 44

ISBN 978-5-17-092895-8

Copyright © 2013 by Broken Foot Productions, Inc.
Copyright © 2013 by David Levithan
© Шульгат А., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается Кейси Джеррину
(способному видеть меня сквозь темноту)*
— АК

*Посвящается Джен Боднер
(она никогда не была невидимой для меня)*
— ДЛ

Оба автора выражают особую благодарность
своим семьям, друзьям,
коллегам, агентам и всем замечательным людям
в издательстве Penguin,
в особенности нашему редактору Джил Сантополо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я родился невидимым.

Понятия не имею, как это произошло. Отправилась ли моя мама в больницу, ожидая, что у нее родится нормальный ребенок? Или она поверила в проклятие и, зная, что может случиться, родила меня тайно? Мне и самому даже мысль об этом кажется странной: появление на свет незримого младенца. Каким было то первое мгновение, когда меня поднесли моей матери, она же глядела на пустое место и могла, только дотронувшись, почувствовать меня? Она никогда мне об этом не говорила. Кажется, прошлое для нее было покрыто завесой невидимости, как и я сам. Как-то мама обмолвилась о существовавшем проклятии — но я был совсем мал, эти сердитые слова были адресованы моему отцу и не предназначались для моих ушей. Но этим все и ограничилось. Не было никаких других объяснений, почему это произошло, как это произошло. Был только сам факт — моя жизнь.

Невидимый. Я невидим.

Я хотел бы и дальше расспрашивать родителей, почему и как это случилось. Но этой возможности у меня больше нет. Спрашивать больше некого.

Мой отец ушел от нас, когда я был маленьким. Не смог справиться с тем, что случилось.

Моя мать держалась столько, сколько могла. Пятнадцать лет. А потом не выдержало ее тело. Кровеносный сосуд у нее в мозге.

Вот уже почти год я один.

Меня невозможно увидеть, как бы я ни старался. До меня можно дотронуться, но только если я сконцентрируюсь. И меня всегда можно услышать, если я решу заговорить. Очевидно, так действует проклятие. Я к этому привык, даже если и не понимаю. Когда я был маленьким, то мой вес не зависел от моих усилий — он просто был. Но по мере того как я начинал больше соображать, мне приходилось концентрироваться, если я хотел, чтобы меня можно было обнять. Я не превращаюсь в пар — на какую-то часть я всегда физически осязаем, поэтому не могу пролетать сквозь этажи и проходить через стены. Но для того чтобы дотронуться до меня, нужны усилия. Мир не воспринимает меня как нечто плотное, но сам он для меня плотен. Проклятие представляет собой сплетенную, прихотливую, порой противоречивую сеть, и я рожден в этой сети. Я слепой раб ее замысла.

В Нью-Йорке на удивление просто быть невидимым, особенно если у тебя есть отец, который, хотя и не живет с тобой, но время от времени пополняет твой банковский счет. Абсолютно все — продукты, фильмы, книги, мебель — можно заказать в Интернете. Можно полностью исключить передачу наличных из рук в руки. Пакеты с покупками оставляют за дверью.

Я часто сижу дома, но не всегда.

Живу я в четырех кварталах от Центрального парка и большую часть дня провожу там. Мне здесь нравится. И моя не оставляющая следа и тени жизнь здесь словно еще одна часть пространства. Я среди деревьев, в воздухе, у воды. Иногда я по нескольку часов сижу на скамейке. Иногда брожу. Я все время наблюдаю. Туристы и местные жители. Собачники, которые ровно в полдень проходят мимо меня, точные, как ча-

сы. Большие компании подростков громко дурачатся, стараясь привлечь внимание друг друга. Старики, которые сидят и смотрят с таким видом, словно впереди у них целая вечность, хотя в глубине души понимают, что это не так. Я вбираю все это. Я вслушиваюсь в разговоры, наблюдаю за близкими отношениями. Но я всегда молчу. Так что о моем присутствии никто не подозревает, окружающие наблюдают за белками, птицами, за тем, как ветер колышет ветви деревьев.

Я не существую. И все же я существую.

Я скукаю по маме. Когда я был маленьким, она учила меня концентрироваться и обретать вес, когда я почувствовал, что в какой-то момент это перестало получаться само собой. Тогда она все еще могла, как раньше, носить меня на спине, предупредив, чтобы я за нее держался. Она учила меня жить в мире, не отделяя себя от него. Она не потерпела бы никаких шалостей с моей стороны: попыток что-то стащить, подглядеть — как-то воспользоваться своим положением. Я был проклят, но не должен был вредить другим. Да, я действительно был иным, но таким же человеком, как все остальные. Поэтому мне приходилось жить по законам человеческого мира — даже если я совсем не чувствовал себя человеком.

Мама любила меня, что, конечно, было самым замечательным. Вопрос об этом никогда не стоял. То есть вопросов было много, но я никогда не сомневался в ее любви.

Она научила меня читать, хотя большую часть времени ей приходилось самой переверачивать страницы. *Писать*, хотя даже такое простое действие, как набирать текст на клавиатуре, практически лишало меня сил. Она учила: говорить — когда рядом только она, молчать — когда рядом кто-то другой. Мама учила меня естествознанию, математике, истории и как стричь волосы и ногти. Она рассказывала мне о месте, где мы жили, или о том, что происходило во вре-

мена ее молодости. Она могла с такой же легкостью заговорить о том, что происходило в шестнадцатом веке, с какой пересказывала передачу, которую видела по телевизору. Единственным белым пятном оставался год моего рождения. Или все, что происходило до того. Или сразу после того.

Мама не рассказывала об этом ни одной живой душе. Поэтому она тоже была совсем одна, если не считать меня. Яблоко от яблони недалеко падает. Были дети, вместе с которыми я рос, но я «познакомился» с ними только благодаря тому, что часто за ними наблюдал. Особенно за теми, кто жил в нашем доме. Алекс из квартиры 7А жил здесь дольше всех — впрочем, возможно, что он запомнился мне первым из-за своих рыжих волос, а может, из-за того, что постоянно ныл. Когда ему было шесть, он постоянно требовал все новые и новые игрушки. Сейчас ему шестнадцать, и он хочет поздно возвращаться домой, получать от родителей побольше карманных денег, но при этом чтобы они «оставили его в покое». Он меня просто достал, так же, как Грета из квартиры 6С, которая всегда вредничает, как Шон из 5С, который такой тихушник. Мне кажется, Шон позавидовал бы моей невидимости, если бы знал, что такое возможно. Но поскольку он об этом не знает, то выбирает другие способы, чтобы притворяться невидимым по собственной воле. Он закрывается от окружающих книгами. Он никогда не смотрит в глаза, избегая прямого контакта с миром. Его путь в жизни — сплошное невнятное бормотание.

А потом еще был Бен, который уехал. Бен — единственный, кто едва не стал моим другом. Когда ему было пять, а мне десять, он решил завести воображаемого друга. Стюарт — так он его назвал, и поскольку это имя было похоже на мое — Стивен, — я решил ему подыграть. Он приглашал меня на ужин, и я приходил к нему. В парке он придвигался побли-

же, и я брал его за руку. Он приводил меня в детский сад, чтобы играть в «покажи и назови», и я стоял там, пока учитель потакал его прихоти, кивая в ответ на все, что Бен говорил обо мне. Единственное, чего я не мог, — это говорить с ним, потому что знал: если он услышит мой голос, это разрушит иллюзию. Один раз, — точно зная, что он не слушает, — я прошептал его имя. Просто чтобы его услышать. Но он этого не заметил. А к тому времени, когда Бену исполнилось шесть, он перерос эту игру. Я не мог его за это винить. И все же я загрустил, когда он уехал.

Мои дни похожи один на другой, как братья-близнецы. Я встаю, когда захочу. Принимаю душ, хотя мне и трудно запачкаться. Прежде всего я делаю это, чтобы сконцентрироваться на том, что у меня есть тело, а потом почувствовать, как вода касается моей кожи. В этих ощущениях есть нечто человеческое, тот контакт с обыденностью, в котором я нуждаюсь каждое утро. Мне не нужно вытираться: я исчезаю, и вода, оставшаяся на моем теле, попросту стекает прямо на пол. Я возвращаюсь к себе в комнату и что-нибудь надеваю — для тепла. Оказавшись на моем теле, одежда тоже становится невидимой: это еще одна из менее значимых особенностей проклятия. Потом я включаю музыку и читаю несколько часов. Ем я главным образом в обеденное время — проклятие так же касается всего, что я кладу в рот, поэтому, к счастью, мне не приходится видеть, как работает мой желудочно-кишечный тракт. Когда с ланчем покончено, я отправляюсь в парк. Нажимаю на кнопку лифта, потом жду в вестибюле, пока консьерж откроет дверь кому-то другому, тогда и я смогу выйти. Или, если никто не появится, я открываю дверь сам, полагая, что если кто-то это увидит, то решит, что дверь открылась сама собой или из-за порыва ветра. В парке я выбираю скамейку, на которую никто не сядет: к примеру, ее облюбовали птицы, или отсутствует дощечка. Или

же я петляю по Рэмблду¹. Когда я иду мимо искусственных озер, никто не увидит моего отражения в воде. Задержавшись рядом с эстрадой-ракушкой, я могу приплясывать под музыку, оставаясь незамеченным для всех. Проходя мимо прудов, я могу издать внезапный крик, заставив уток взмыть в воздух. Очевидцам и невдомек, что на самом деле произошло.

Я возвращаюсь домой, когда темнеет, и еще какое-то время читаю. Потом недолго смотрю телевизор. Затем выхожу в Интернет. Опять-таки печатать мне тяжело. Но время от времени, через «не могу», я все-таки набираю предложения. Это мой способ приобщиться к языку живущих. Я могу говорить с иностранцами. Могу оставлять комментарии. Могу кого-то поддержать, когда в моих словах есть необходимость. Другим людям вовсе не нужно знать, что на другом краю проводного пространства на клавиши клавиатуры нажимают невидимые пальцы. Им вовсе не нужно знать всей правды, если я могу обойтись лишь частью информации о себе.

Так проходят мои дни. Я не хожу в школу. У меня нет родных. Владелец здания знает, что мама умерла — мне пришлось вызвать «Скорую помощь», пришлось смотреть, как ее увозят, — но он считает, что отец все еще здесь живет. В одном отца нельзя упрекнуть: он никогда от меня не отрекался. Просто резко ограничил наши контакты. Я даже не знаю, где он. Отец превратился для меня в адрес электронной почты. В номер телефона.

Когда мама умерла, все вопросы «как и почему» вернулись. Горе давало им подпитку. Неуверенность заставляла меня обращаться к прошлому. Впервые в жизни, в отсутствие защиты, которую создавала мамина любовь, я действительно почувствовал себя

¹ Фрагмент Центрального парка Нью-Йорка, который спроектирован так, чтобы выглядеть как «дикая» часть территории.

прóклятым. Выбор у меня был небольшой: последовать за мамой или остаться. Я нехотя остался. Я растворился в чужих словах, со мной остался парк, и я начал вить гнездо моего будущего из тех отдельных веточек и обрывков, что сохранились от прежней жизни. Через некоторое время я перестал задаваться вопросом «почему». Я перестал спрашивать себя «как». Перестал замечать «что». Оставались я и моя немудреная жизнь. Я — человек-призрак, который так и не умер.

Все началось с бывшей квартиры Бена — 3В. Она расположена через две квартиры от моей — 3Д. Семья Бена переехала, когда мне исполнилось двенадцать. С тех пор эта квартира повидала три нашествия жильцов. Крейны оказались ужасной парочкой — они проводили все свое время во взаимных оскорблениях, находя в этом некое удовольствие, и разводиться не спешили. Соседи придерживались другой точки зрения. У Тейтов было четверо детей, но только надвигающееся рождение пятого заставило их осознать, что в двухкомнатной квартире им тесно. А Сьюки Максвелл прожила в Нью-Йорке всего год, потому что именно этот срок был определен для дизайнерского оформления новой манхэттенской квартиры ее клиента, а потом ей понадобилось сразу же отправиться во Францию, чтобы обустроить тому же клиенту дом. След, оставленный Сьюки в моей вселенной, был столь незначителен, что я даже не заметил, как она выехала. И только заметив, что грузчики вносят в подъезд старый вытертый диван — диван, который Сьюки Максвелл никогда бы не одобрила, — я понял, что она покинула наш дом и теперь в квартиру 3В въезжает другая семья.

Я прохожу мимо грузчиков и спешу в парк, не задумываясь о том, кто же станет моими новыми соседями. Меня куда больше интересует Айван, мой любимый выгульщик собак, как обычно нарезающий

круги вместе с Иа и Тигрой (бассет-хаундом и таксой). Из разговоров, которые он ведет с другими выгульщиками собак, я узнал, что Айван приехал в Нью-Йорк из России три года назад и снимает комнату в нижней части восточного Манхэттена вместе с еще тремя русскими, с которыми он познакомился в Интернете. Это не очень-то удобно, особенно потому что Айван пытается ухаживать за Карен, няней младших членов семьи хозяев Иа и Тигры (няня живет вместе с ними). Я их тоже видел в парке, и мне кажется, что Айван и Карен могли бы составить хорошую пару уже хотя бы потому, что он обращается с собаками по-доброму и с юмором, а она точно так же ведет себя с детьми. Однако Айван, само собой, не может ночевать у своих работодателей, но и не хочет приводить Карен домой, где она может встретиться с его подозрительными соседями. Это тупик, и порой мне кажется, что я хотел бы найти выход так же сильно, как и сам Айван.

По-видимому, сегодня дело сдвинулось с мертвой точки, потому что спустя десять минут после появления Айвана я вижу, что в парке появляется Карен с детьми. Понятно, что им хотелось бы пообщаться, но их смущает присутствие детей. Я следую за ними. Они направляются к скульптуре Алисы из Страны чудес, а потом, когда дети оставляют их, чтобы поиграть, придвигаются друг к другу ближе. Теперь с ними только Иа и Тигра, но ни Карен, ни Айван не решаются на первый шаг.

Ничего не могу с собой поделать. Я наклоняюсь, концентрируюсь и толкаю собак в разных направлениях. Внезапно они начинают носиться кругами, и Карен с Айваном оказываются в центре между натянутыми поводками. Молодых людей бросает друг к другу, и, хотя сначала они шокированы, неловкость быстро сменяется улыбками и смехом. Собаки неистово лают; дети несутся к ним, чтобы посмотреть, что случилось. Айван и Карен прижимаются друг к другу, стараясь выпутаться.

Я тоже улыбаюсь. Понятия не имею, как моя улыбка выглядела со стороны, но это не важно — главное она была искренней.

Не уверен, что эта маленькая искорка, которая промелькнула между Айваном и Карен благодаря мне, вырастет во что-то большее. И все же я спешу домой в хорошем настроении. Я жду, пока миссис Уайли из квартиры 4А откроет дверь, чтобы войти в дом, и вбегаю вслед за ней. Мы вместе поднимаемся на лифте на четвертый этаж, а затем я нажимаю кнопку, чтобы спуститься на третий. Выйдя из лифта, я вижу, что перед квартирой 3В стоит девушка с тремя пакетами из ИКЕА. Пока она роется в сумке в поисках ключа, все три сумки падают на пол. Я с опаской прохожу мимо нее, потом жду у собственной двери: пока она возится в коридоре, у меня нет ни малейшей возможности достать ключ из потайного места, где он спрятан, и открыть дверь. Я стою и наблюдаю, как девушка засовывает обратно в пакет пару подставок для книг и несколько рамок для фотографий. Она осыпает проклятьями то ли себя саму, то ли свои сумки — точно не знаю. Погрузившись в мысли о том, что Сьюки Максвелл скорее умерла бы, чем позволила предметам из ИКЕА попасть в ее идеальную квартиру, я даже не замечаю, что эта новая девушка смотрит прямо туда, где я стою.

— Ты что, и дальше собираешься здесь стоять? — спрашивает она. — Это у тебя развлечение такое, да?

По телу словно пробегает электрический разряд, и я возношусь к такой степени осознания себя, какой прежде никогда не чувствовал. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, нет ли кого у меня за спиной.

Никого.

— Я к тебе обращаюсь, — говорит девушка.

Не верю своим ушам.

Она меня видит.